научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 81.161.1+81:39

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОМОРОВ (на материале словаря И. М. Дурова)

ДЬЯЧКОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
кандидат филологических наук,
доцент Кафедра русского языка как иностранного и прикладной лингвистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
gyla4@yandex.ru

ТАРАЗАНОВА ЛИДИЯ ИГОРЕВНА
студентка Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
lidiiatsrazanova@gmail.com

Ключевые слова:
региональная фразеология
поморы
языковая картина мира
И. М. Дуров

Аннотация:
В статье рассматривается потенциал «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова в качестве источника изучения традиционной культуры поморов на материале фразеологии. Преимущественное внимание в работе уделяется устойчивым выражениям, в составе которых функционируют специфические реалии и образы, обусловленные особенностями жизнедеятельности и самобытной культуры населения Поморья.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 августа 2025 года Опубликована: 27 сентября 2025 года

Введение

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова [4] продолжает ряд севернорусских диалектных словарей, созданных на рубеже XIX–XX веков, таких как «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского, «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского.

Несмотря на то, что у И. М. Дурова были предшественники, как справедливо отмечают редакторы издания его словаря, «у поморского словаря свое лицо», поскольку «его автор – коренной житель Поморья, знаток его говоров и культуры. В словарных статьях с тщательностью и знанием дела прописаны особенности рыболовного промысла, традиционного быта, семейной и праздничной обрядности, а также проявившиеся к 1930-м гг. черты нового социалистического быта в поморской деревне. <…> Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX–XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись местные говоры и традиции поморской культуры» [4].

В нашем исследовании рассматривается потенциал словаря И. М. Дурова в качестве источника изучения традиционной культуры поморов на материале региональной фразеологии, которая в этом словаре представлена.

Под фразеологизмом понимается «единица языка, состоящая не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» [6: 6], это устойчивые образные выражения, воспроизводимые в готовом виде: *бить баклуши*, *зарубить на носу, как без рук, ни рыба ни мясо* и подобные. Все приведенные выше примеры относятся к общерусскому фразеологическому фонду, однако помимо него не меньший интерес для исследователей русского языка представляет его диалектная фразеология, в составе которой находит отражение региональная речевая культура, обусловленная историей, традициями, условиями жизни, особенностями быта, обрядами и верованиями местного населения. Нередко этот срез может оказаться и более архаичным в сопоставлении с литературным языком, поскольку в нем могут сохраняться явления и факты, утраченные в общем употреблении. Возможности и аспекты изучения севернорусской региональной фразеологии, в том числе и поморской, в этом направлении представлены в исследованиях Е. Л. Березович, И. И. Муллонен [2]; О. Е. Морозовой [7], Е. П. Андреевой [1], Н. И. Комковой [5] и некоторых других лингвистов, однако поморская фразеология, зафиксированная в словаре И. М. Дурова, ранее специально не изучалась.

Результаты и обсуждение

В «Словаре живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» фиксируется значительное количество неоднословных выражений, однако не все из них можно отнести к фразеологизмам.

Так, не являются фразеологизмами **топонимы**, например, такие как: *Ва́рака Неме́цкая* – «один из скалистых безлесных островов, носящих общее название Кузова, между Кемью и Соловками. Повс.» (Дуров[1]: 45); *Горе́лы лу́ды* – «лишенные растительности надводные островки на Сумской губе Белого моря. Сум.» (Дуров: 83); *Госуда́рська дорога* – «под этим названием до сих пор известна в народной памяти проложенная Петром Великим дорога от села Нюхчи с берега Белого моря к Онежскому озеру до Повенца. Нюх.» (Дуров: 86); *Кандала́ською бе́рег* – «часть западного берега Белого моря от с. Кандалакша до с. Варзуга. Повс.» (Дуров: 161) и под.

То же касается **обозначений терминологического характера**: см., например, *борово́й лес* ‘рудовой, хорошего качества строевой хвойных пород лес’ (Дуров: 36), *головно́й ка́рбас* ‘карбас, в котором находится головной рыбак, идет всегда впереди на разведках’ (Дуров: 80); *денна́(я) вода* ‘уровень воды на море в дневные часы’ (Дуров: 97), а также **хрононимов** – названий праздников и событий типа *Ве́рбна неде́ля, Великодённой четве́рг, Вели́ко заговенье, Вели́кой пост, Дими́триевська суббо́та, Ири́нья Корешница, Онуфрей Солнцеповорот* и многочисленных отхрононимных образований *михайловская сельдь, веденьёвска сельдь, варвареньска сельдь* – последние чаще всего, как показывают примеры, фиксируются в значении ‘рыбный промысел, начало которого соотносится с определенным церковным праздником’.

Несомненно, этот материал также может много рассказать о традиционном мировидении и условиях жизни помора: в нем отражается образ освоенного им пространственного ареала, причем в основном актуального для повседневности – морского: названия островов и островков, мелей, изгибов береговой линии; отчетливо обозначается связь православного календаря не с земледелием, как на остальной территории Русского Севера, а с традиционными морскими промыслами – добычей сельди, кореха, семги. Номинация *варака немецкая*, по всей видимости, должна рассматриваться в ряду других «немецких» топонимов на территории Карелии, возникших в результате освоения карел. *niemi* ‘мыс, полуостров’ [8: 30–31] и свидетельствующих о межъязыковых контактах поморов и коренного финно-угорского населения (к происхождению лексемы *варака* это относится абсолютно точно [8: 21]). Наконец, история региона находит отражение в названии *Государська дорога*, которое составитель словаря зафиксировал в Нюхче с комментарием «до сих пор известна в народной памяти».

При широком понимании фразеологии этот материал также привлекается исследователями в качестве источника изучения культурной семантики (см., например, [1]), однако в данной работе мы решили остановить внимание прежде всего на тех устойчивых выражениях, которые фиксируются в словаре и являются по своему значению результатом переосмысления одного или нескольких исходных компонентов, входящих в их состав. Сам собиратель в комментариях к этим речевым оборотам использует такие лексемы, как «обозначение», «выражение», «термин», «прозвище», пользуется описательными конструкциями «так говорится о…», «говорится, когда…»: «**Мама́й воева́л**. Обозначение крайнего и полного беспорядка, хаоса. *У их в избе как Мама́й воевал: все раскидано, изломано и прибито*. Повс.» (Дуров: 216).

Приведенный пример, помимо прочего, указывает на то, что И. М. Дуров не ставил своей целью

разграничение общеупотребительной и собственно поморской фразеологии, в связи с чем в своем словаре он зафиксировал немалое количество общерусских идиом, таких, например, как *бить баклу́ши, брать силком, быть в беды́, ложи́ться в дре́ф, во весь го́лос, в поми́ну нет, кри́вить душо́й, кот напла́кал, зуб на́ зуб не попада́т, кум королю́* и некот. др. Несмотря на отдельные формальные отличия, которые можно заметить (*в беды, дреф, попадат*), у всех этих выражений в словаре указываются те же значения, что и в литературном языке.

Однако на общерусском фоне в словаре выделяется объемный пласт фразеологизмов, которые представляют собственно поморскую речевую культуру. См., например, устойчивые выражения со словом *глаз*, неизвестные литературному языку: «*глаза да глазища*, говорится, когда требуется особо бдительный надзор и наблюдение; *глаза дома оставил* говорится о человеке, ничего не видящем перед собою в темноте сразу же при выходе из помещения с ярким светом; *глаза по ложки*, *глаза по луковицы* – взгляд, выражающий беспредельную радость, восторг или, наоборот, страх, видимый ужас» (Дуров: 75); *до выпуча глаз* «до полного изнеможения. *До выпуча глаз мы сегодне тащили на себе из лесу домой волоцюгу дров*» (Дуров: 100).

Предсказуемо, что значительную группу в словаре поморов составляют устойчивые обороты, связанные с морским промыслом. К ним, например, можно отнести такое выражение, как *Егорей в укорци смотрит / Егорей в укорци сел*. Это означает, как комментирует собиратель, что «весна надвигается, а ничто из весеннего инвентаря и экипажей не подготовлено, не приготовились к весенним работам и к промыслам на Белом море» (Дуров: 109). Культурная семантика этого фразеологизма объясняется связью с празднованием дня Святого Георгия (Егория) по православному календарю (23 апреля по ст. ст. / 6 мая по нов. ст.), наступление которого у поморов (и шире – на Русском Севере) считалось началом весны и сопровождалось отправлением на очередной рыбный промысел (см. *егорьевска сельдь* – Дуров: 110). Внутренняя форма этого выражения достаточна прозрачна: сам святой с укором смотрит на нерасторопных промысловиков или хозяев, напоминая им наступлением памятной даты о необходимости приступать к ежегодным сезонным работам.

К поморским образным выражениям, связанным с морем и добычей рыбы, также необходимо отнести такие фразеологизмы, как *берега кисельные* ‘богатые рыбою прибрежные заливы моря, промысловые губы в заливе моря’ (Дуров: 28); *дружитьце к берегу* ‘плывя на паруснике, держаться берега, идти около берега’ (Дуров: 106); *ветренный гость* «говорят о прибывшем с моря, а не с сухого пути, госте. Ветренными гостями называются также ожидаемые семьею помора добытчики-рыбаки, возвращающиеся с морских дальних промыслов – с берегов Мурмана и Новой Земли. Ветренным гостем может быть также и случайно прибывший издалека неожиданный родственник или случайный проезжий, остановившийся на квартире в доме» (Дуров: 53).

Упоминание ветра в последнем примере свидетельствует о значимости для сознания поморов погодных факторов и связанных с ними природных явлений, в особенности это касается ветра и воды (моря) – двух основных стихий, наиболее для него близких. См. примеры: *ветер духами / тороками припадат* ‘чрезвычайно сильный ветер на море, дующий неправильно, порывами; шквал поры вами’ (Дуров: 52), *ветер в зубы* ‘встречный ветер’ (там же), *ветер пал на стречу* (там же), *солнце пришло на ветер*, то есть «солнце поравнялось с каким-либо из румбов компаса, определяющих то или иное направление ветра. Вследствие этого получается возможность определить точное время, так как каждый румб согласован с часами дня и ночи. Повс.» (Дуров: 384). Нередко в этих выражениях ветер одушевляется (см. выше *ветер пал, ветер припадат*). О порывистом сильном ветре поморы говорят: «**Загуди́л батюшко.** *Перен.* О ветре: усилился, прорезая свистом по снастям судна. Повс.» (Дуров: 126). Именование *батюшко* из сферы родственных отношений недвусмысленно указывает на почитание ветра поморами, их уважительное отношение к этой стихии, стремление через выражение почтительности получить ее расположение и помощь.

В ряду фразеологизмов, характеризующих морской промысел в словаре И. М. Дурова, также обращают на себя внимание несколько любопытных выражений со словом *гурей*, «употребляемым для обозначения полного неулова на промысле, в выражениях *гурья спробовал <…> с гурьем выехал, гурья справил, с гурьем вернулся*», то есть «ловил, потратил время, а ничего не добыл. Ничего не попало. и т. п.» (Дуров: 91). К проблеме культурно-семантической реконструкции этих идиом обращаются известные исследователи Е. Л. Березович и И. И. Муллонен [2]. Они отмечают, что слово *гурей / гурий* употребляется на Русском Севере по сей день, о чем свидетельствуют экспедиционные записи авторов в Онежском районе Архангельской области (2018) и Терском районе Мурманской области (2021). И до сих пор в этих местах это слово используют для обозначения ‘кучи камней, служащей ориентиром в промысловой деятельности (главным образом, рыбной ловле)’. Сходное определение оно получает в

словаре В. И. Даля: арх. *гу́рей, гу́рий* ‘темный маяк или мар, знак, сложенный на берегу из камней, для приметы становища’ [4: 408]. Анализируя, каким образом оказались связаны значения «каменный ориентир» и «промысловая неудача» (см. примеры у И. М. Дурова), исследователи предлагают обратить внимание на толкование *гурия* в словаре А. О. Подвысоцкого: «*Гу́рей, гу́рий, гу́рья* – помор. род столба из накладываемых одни на другие диких камней. Промышленники складывают гурьи на морском берегу для обозначения места, где промышляли. В с. Кандалакше, на западном берегу Белого моря, в Кем. у., неудачных ловцов во время сельдяного промысла заставляют в шутку целовать гурей» [9: 36]. В итоге здесь «обнаруживается такая мотивация: раз не поймал ничего, тебе достается единственное, что есть на морском берегу, –“дикие камни”, т. е. гурий» [2: 29].

Важно отметить, что мировосприятие помора-промысловика, проводящего бóльшую часть жизни в общении с морской стихией, закономерно находит отражение и в сферах, далеких от его основных занятий. Так, например, «морские» образы могут стать основой для внешней характеристики человека: «**Как му́ха в па́руси.** Говорится в насмешку о человеке, одетом в слишком просторную, не по себе сшитую одежду, не соответствующую вообще фигуре и не модную по покрою; о женщине в очень длинной и широкой юбке или сарафане. Сум.» (Дуров: 159); «**Безно́га гага́ра**. 1. Говорят про хромых. 2. Человек с ампутированною ногою. 3. В насмешливом смысле о человеке, имеющем нетвердую развинченную, ковыляющую походку, слабоногом от природы или вследствие болезненного состояния. Повс. (Дуров: 26)».

В привычных категориях и образах повседневности могут оцениваться поведение и внутренние качества человека: *варгае́вська клу́ша* (род полярной морской чайки) ‘обжорливый, любитель плотно покушать, обладающий чрезмерным аппетитом, со здоровым желудком, переваривающий большое количество съеденной грубой пищи’ Сум., Вир. (Дуров: 45); *двувесе́льна лодка* ‘льстец’ *Двухвесельна лодка – в глаза по тебе, а за глаза – на тебя*. Сум. Повс. (Дуров: 94); *ветренный сполох, ветренный прострел* ‘вспыльчивого характера, невоздержанный на слово, крикливый, ругательный человек’ Сум., Сор. (Дуров: 53) и др.

Фразеология, представленная в словаре И. М. Дурова, позволяет также судить о материальном благосостоянии жителей Поморья. В этом отношении показателен комментарий, который И. М. Дуров дает к таким выражениям, как *калика / калика перехожа*: «В прежние годы из бывшей Олонии (из Каргопольского и Вытегорского уездов) ежегодно с наступлением зимы на Беломорье наезжали старики, старухи, дети и даже взрослые побираться Христовым именем, нарядившись в лохмотья. Разъезжают эти калики на своих клячах из села в село, собирают в каждом доме милостыню (мукой, хлебом, одеждой, рыбой и деньгами), распевая стихи духовного содержания об Алексее человеке Божьем, Архангеле Гаврииле и другие» (Дуров: 159). Упоминание именно пришлых «калик» позволяет сделать вывод, что такой способ прокормиться поморами не практиковался. О сравнительном благополучии региона также свидетельствует массовость и регулярность совершаемых нищими «паломничеств», а также перечень материальной помощи (не только хлеб, но и одежда, рыба, деньги), которую оказывали здесь нуждающимся.

Заключение

Проанализированный в исследовании материал показывает, что, несмотря на общерусскую основу, в поморских говорах фиксируются устойчивые обороты, в которых запечатлелись реалии и образы, неизвестные литературному языку. В силу специфики хозяйственной деятельности поморов, их жизни, протекающей преимущественно во взаимодействии с морской природой и ландшафтом, поморская фразеология имеет отличительные черты и на севернорусском диалектном фоне, отражающем материальную и духовную культуру крестьянина-земледельца. Изучение поморской фразеологии должно быть продолжено на материале других севернорусских диалектных словарей.

Примечания

1. Сокращения, используемые в тексте статьи: Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е. П. Отражение культуры Русского Севера в региональной фразеологии (по страницам словарей) / Е. П. Андреева // Рябининские чтения – 2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 527–529.

2. Березович Е. Л. К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское гурий ‘знак-ориентир из камня’ / Е. Л. Березович, И. И. Муллонен // Вопросы языкознания. – 2022. – № 6. – С. 21-43.

3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург; Москва : Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

4. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

5. Комкова Н. И. Репрезентация стилистически дифференцированной фразеологии как способа отражения моральных и культурных ценностей поморов в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 9. – С.285-288.

6. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 284 с.

7. Морозова О. Е. Поморская речевая культура / О. Е. Морозова // Русская речь. 2014. – № 2. – С. 98–104.

8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. - Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – 240 с.

9. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. - Санкт-Петербург : 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. - 198 с.

REFERENCES

1. Andreeva E. P. Russian North culture in regional phraseology (according to dictionary pages) / E. P. Andreeva. Ryabinin Readings – 2015 : proceedings of the VII Conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North. Petrozavodsk, 2015. P. 527-529.

2. Berezovich E. L. On the semantic and etymological reconstruction of borrowed "cultural words": Pomorskoe gurii 'landmark sign made of stone' / E. L. Berezovich, I. I. Mullonen. Questions of linguistics. 2022. No. 6. P. 21-43.

3. Dahl V. I. Dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 2nd ed. / V. I. Dahl. – St. Petersburg; Moscow : M. O. Wolf Publishing House, 1880-1882 (1989).

4. Durov I. M. Dictionary of the living Pomeranian language in its everyday and ethnographic application / I. M. Durov. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 455 p.

5. Komkova N. I. Representation of stylistically differentiated phraseology as a way of reflecting the moral and cultural values of the Pomors in the prose of B. V. Shergin / N. I. Komkova. Modern pedagogical education.2023. No. 9. P.285-288.

6. Molotkov A. I. Fundamentals of phraseology of the Russian language / A. I. Molotkov. Leningrad : Nauka, Leningrad Publishing House, 1977, 284 p.

7. Morozova O. E. Pomor speech culture / O. E. Morozova. Russian speech. 2014. No. 2. P. 98-104.

8. Mullonen I. I. Toponymy of Zaonezhye: a dictionary with historical and cultural comments / I. I. Mullonen. Petrozavodsk : Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. 240 p.

9. Podvysotsky A. O. Dictionary of the Arkhangelsk regional dialect in its everyday and ethnographic application / Collected on the spot and comp. Alexander Podvysotsky. St. Petersburg : 2nd Edition of the Academy of Sciences, 1885. 198 p.

DYACHKOVA I., TARAZANOVA L. PHRASEOLOGY AS A REFLECTION OF THE WORLDVIEW AND TRADITIONAL CULTURE OF THE POMORS (an analysis of the dictionary by Ivan Durov) // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2025. № 3. P. 43–48.

PHRASEOLOGY AS A REFLECTION OF THE WORLDVIEW AND TRADITIONAL CULTURE OF THE POMORS (an analysis of the dictionary by Ivan Durov)

DYACHKOVA IRINA

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Applied Linguistics,
Petrozavodsk State University,Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, gyla4@yandex.ru

TARAZANOVA LIDIYA

student of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University,Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
lidiiatsrazanova@gmail.com

Keywords:
regional phraseology
Pomors
linguistic world picture
Ivan Durov

Summary:
The article examines the potential of the Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application by Ivan Matveevich Durov as a source for studying the traditional culture of the Pomors based on phraseology. The study primarily focuses on stable expressions, including culture-specific items and images determined by the peculiarities of life and traditional culture of the White Sea region population (the Pomors).